

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей
П. О. Карабановымъ.

VII *).

Царствованіе Екатерины II.

(продолженіе).

85.

Около новаго 1794 г.**) Екатерина предположила дать неожиданно маскарадъ. Въ назначенный день повелѣно пригласить многихъ особъ на вечернее собраніе въ эрмитажъ, и предложить разные занятія; сама играя въ карты, услышала звукъ разстроенной скрипки и объявила присутствующимъ, изъ которыхъ никто сего не замѣтилъ; чрезъ нѣсколько времени онъ повторился ближе и яснѣе; она приказываетъ развѣдать, но посланный явился назадъ безъ удовлетворенія. Наконецъ звукъ въ третій разъ и очень громко; императрица положила карты, пошла и все общество ей послѣдовало; проходя множество комнатъ вошли въ такую, гдѣ на обѣ стороны растворялись двери въ другія съ маскарадными припасами, одну для дамъ, другую для кавалеровъ. Наскоро и безъ разбора всѣ одѣлись и вышли въ маскахъ, такъ что одни другихъ не скоро узнавали. Екатерина, одѣтая волшебницей, отдала приказъ: что когда она сниметъ маску, чтобъ все общество размаскировалось. Государыня, прежде замѣтя, что у новопожалованной фрейлины, графини Потодкой въ сравненіи съ прочими нѣтъ жемчуговъ, пожелала ее наградить; заблаговременно приказано было одѣть ее молочницей и

*) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587; 685—696; изд. 1872 г. т. V, стр. 129—147.

**) 1798 г. въ исходѣ, или 1794 г. въ началѣ.

когда начались танцы, то монархиня приняла кувшинъ подъ сохраненіе и поставя у ногъ опустила въ него дорогіе жемчуги. Потоцкая, обратно принимая кувшинъ, замѣтила подарокъ и сказала: *c'est vous Madame, c'est votre Majesté...* „Non c'est du lait caillé“, отвѣчала императрица.

86.

Президентъ с.-петербургской академіи художествъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, присутствуя въ синодѣ, чрезъ камеръ-лакея получаетъ (1794 г.) отъ Екатерины II повелѣніе въ самой скорости быть во дворцѣ. Особамъ имѣющимъ входъ во внутреннія комнаты было извѣстно, что когда государыня находилась въ уборной, то всякій изъ нихъ входилъ туда безъ остановки, если же она удалялась въ почи-вальню или кабинетъ, потребно было докладываться. Пушкинъ находитъ императрицу въ кабинетѣ, сидящую за столомъ съ листомъ бумаги, который, при входѣ его, перевернувъ сказала: „послушай-ка господинъ президентъ, все ли у васъ въ академіи благополучно?“

— Слава Богу! ваше величество, отвѣчалъ Пушкинъ съ спокойнымъ духомъ.

„Не случилось ли чего необыкновеннаго въ типографіи?“

— Ничего, государыня!

„Подивитесь! Я больше вашего знаю, что дѣлается тамъ, гдѣ вы поставлены начальникомъ! Одинъ несчастный, служившій въ типографіи вашей, лишилъ себя жизни“.

Сія слова привели его въ великое замѣшательство.

„Я желаю чрезъ начальниковъ знать о всякомъ происшествіи вѣр-ренныхъ имъ мѣстъ“, съ гнѣвнымъ видомъ продолжала Екатерина и, замѣтивъ его смущеніе, съ кротостью спросила: „чтожь вы молчите! Я готова выслушать отъ васъ оправданіе“.

— Если вашему величеству угодно, то позвольте донести, что я сомнѣваюсь въ справедливости извѣстія вамъ сообщеннаго; сегодня по утру я получилъ рапортъ о благополучномъ состояніи всѣхъ служащихъ въ академіи; да и типографскій надзиратель, который у меня былъ, не сказалъ мнѣ ни слова о томъ, что я теперь узналъ отъ вашего величества.

„Извольте же не мѣшкая справиться и успокоить меня“, примолвила императрица.

Бдительный начальникъ пришелъ въ уныніе, услышавъ выговоръ отъ своей благодѣтельницы; въ крайнемъ смущеніи спѣшилъ въ академію; приѣздъ его въ необыкновенное время произвелъ между великимъ числомъ жившихъ тамъ сильную тревогу; надлежало поодиночкѣ всѣхъ переключать и узнать объ отсутствующихъ. Подъ конецъ уже

нижній служитель объявилъ, что онъ слышалъ о подобномъ происшествіи въ академіи наукъ случившемся. Пушкинъ поспѣшаетъ туда и узнаетъ, что при типографіи промотавшійся комиссаръ, устрасаясь отчета къ новому году составляемаго, сдѣлался самоубійцею. Алексѣй Ивановичъ, успокоившись, въ ту же минуту приказалъ заготовить для императрицы объясненіе, крупнымъ прямымъ шрифтомъ, ибо курсивныхъ литеръ она не любила, въ пол-листа, по обыкновенію, написанное — которое и привозить во дворецъ. Екатерина за туалетомъ, разговаривающая съ Шуваловымъ, Пассекомъ и княземъ Барятинскимъ, какъ будто не замѣчая его, продолжала убираться, потомъ умывши руки (что она часто дѣлывала) растворила дверь въ опочивальню и войдя съ нимъ спросила: „Кто-жъ изъ насъ виновать, сударь?“

— Ни ваше величество, ни я, — отвѣчалъ онъ и подалъ обстоятельное извѣстіе о несчастномъ.

— „Вы неправду сказали!“ произнесла Екатерина, прочитавъ нѣсколько строкъ.

Пушкинъ, не понимая что значать сіи слова, смѣшался болѣе прежняго.

— „Вы неправду сказали“, повторила императрица, — „оскорбивъ васъ выговоромъ и упрекомъ, признаю себя виновною: челоуѣку свойственно ошибаться.... Если когда случится вамъ быть виновнымъ, то даю слово оказать вамъ всякое снисхожденіе—вспомните поговорку, что и горшокъ съ горшкомъ въ печи столенутся“.

Алексѣй Ивановичъ, тронутый до слезъ толь рѣдкимъ великодушіемъ, сталъ на колѣни: „я недостойнъ, чтобъ мать російскаго народа признавала себя виновною!“ сказалъ онъ.

Наконецъ призванъ Рылѣевъ, которому съ неудовольствіемъ сказала: „только безпокойте меня ложными извѣстіями!“ Онъ былъ уже петербургскимъ губернаторомъ.

(Извѣстное преданіе гр. Мусина-Пушкина).

87.

Извѣстный всей Европѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ Бедкѣй *), въ глубокой старости ослѣпъ, но имѣлъ странность представлять себя зрячимъ. Когда его проваживали по улицамъ въ каретѣ, онъ приказывалъ къ обѣимъ рукамъ привязывать шнуры, помощію которыхъ могъ быть увѣдомленъ о каждомъ встрѣчающемся экипажѣ, и поклонами обманывалъ себя одного.

*) Род. 3 февр. 1704, ум. 31 авг. 1795.

88.

Михаилъ Михайловичъ Измайловъ *), въ 1795 году будучи главнокомандующимъ Москвы, былъ вызванъ Екатериною въ Царское-Село, въ приготовленныя комнаты; прогуливаясь съ нею въ саду, зацѣпилъ за дерево и сдернулъ парикъ; по трусливому нраву, въ сильномъ замѣшательствѣ началъ извиняться. Екатерина, въ продолженіи пятидесяти лѣтъ всегда бывъ къ нему милостива, сказала: „въ чему?... если бы ты былъ молодъ и желалъ нравиться молодой женщинѣ, то подобный случай заставлялъ бы страшиться отказа; а мы состарѣлись и доживаемъ вѣкъ“.

(Отъ родной его племянницы Мар. Алек. Мясоѣдовой).

89.

Въ 1796 г. нѣсколько молодыхъ людей, проходя довольно близко отъ императрицы, сидѣвшей въ царскосельскомъ саду, не обратили (на нее) вниманія и даже не сняли шляпъ. Марья Савишна Перекусихина хотѣла сдѣлать выговоръ, но Екатерина, удержавъ ее за руку, сказала: „Оставь ихъ! на насъ не смотреть, стары стали“.

(Отъ Перекусихиной).

90.

Подполковникъ, служившій въ греческомъ корпусѣ, подъ начальствомъ Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, бывъ по желанію отставленъ, за недостаткомъ имѣлъ содержаніе отъ сего мѣста; онъ 1-го января 1796 года поѣхалъ во дворецъ съ поздравленіемъ къ князю Зубову и тамъ, при многочисленномъ собраніи, отъ приключившагося припадка съ конвульсіями, упалъ безъ чувствъ; ему подана всевозможная помощь, а когда опаматовался, то былъ въ каретѣ отвезенъ въ свое жилище. Между тѣмъ происшедшая тревога сдѣлалась извѣстна императрицѣ, которая, будто бы не внимая, продолжала непрерывно заниматься обрядами того дня; предъ обѣдомъ жаловала къ рукѣ всѣхъ кавалеровъ, а на балѣ всѣхъ дамъ; отходя на отдохновеніе, несмотря на усталость, вспомнила о несчастномъ; посылаетъ къ полурядѣтой статсъ-дамѣ Ливенъ съ повелѣніемъ прискаты въ ея запискахъ лекарственную траву отъ падучей болѣзни; собственноручно выписываетъ, прибавя свое разсужденіе, съ какою осторожностью давать и какъ беречь больного во время перваго сна; запечатать оное,

*) Михаилъ Михайловичъ Измайловъ, дѣйствит. тайный совѣтъ., кав. св. Андрея, главнокомандующій въ Москвѣ съ 21 марта 1795 по 2 мая 1797, ум. 1800. Женатъ былъ на Маріи Александровнѣ Нарышкиной, род. 1730, ум. 1780.

приказываетъ камердинеру наискорѣе отвезти къ Пушкину, который при полученіи замѣтилъ, что въ адресѣ вмѣсто „Ивановичу“ написано „Васильевичу“ и былъ въ недоумѣніи, но рѣшась распечатать, увидѣлъ, что императрица весьма милостиво поручаетъ ему имѣть надзоръ за больнымъ, особливо во время употребленія сего лекарства и чтобъ онъ не полѣнился дать ему изъ своихъ рукъ, а какое будетъ послѣдствіе о томъ обстоятельно донести. Какое человѣколюбіе!!!

Сія драгоценная бумага съ огромной исторической перепиской и секретными повелѣніями погибла въ 1812 году.

91.

Екатерина, 23 августа 1796 г., бывъ у Нарышкиной *) и возвращаясь домой, замѣтила звѣзду ей сопутствовавшую, въ виду скатившуюся. Предсѣдательствующій въ губернскомъ правленіи Николай Петровичъ Архаровъ, предупредившій императрицу, встрѣтилъ ее во дворцѣ, которая сказала: „вотъ вѣстница скорой смерти моей“...—Ваше величество всегда чужды были примѣть и предрасудковъ, отвѣчалъ Архаровъ. „Чувствую слабость силъ, и примѣтно опускаюсь“, возразила Екатерина.

(Отъ Архарова).

92.

Въ 1796 г., когда переговоры о бракосочетаніи великой княжны Александры Павловны съ королемъ шведскимъ Густавомъ Адольфомъ приходили къ концу желаемому, императрица приказала наилучшему петербургскому серебряному мастеру негоціанту Буху, исправлявшему тогда должность датскаго агента, сдѣлать въ приданое для ея высочества серебряный сервизъ. Къ назначенному сроку сервизъ, самимъ Бухомъ привезенный во дворецъ, поставляется въ галереѣ; сіе случилось когда государыня свѣдала, что Бухъ не токмо ея разговоры, но многія намѣренія сообщилъ въ Копенгагенъ и что наконецъ дѣлалъ пиръ для нѣкоторыхъ придворныхъ особъ; она съ примѣтнымъ неудовольствіемъ говорить Попову, „что у иностранныхъ дворовъ знаютъ о ней болѣе нежели должно — пойдемъ смотрѣть сервизъ“. Бухъ принять холодно; по существовавшему обычаю и къ рукъ не допущенъ; послѣ немногихъ словъ государыня сказала: „приказать, Василій Степановичъ, отвезти сервизъ въ Царское-Село и поставить въ уборной великаго князя Александра

*) Анна Никитична Нарышкина, рожд. Румянцева, род. 11 февр. 1730, ум. 2 февр. 1820. Въ то время уже была вдовою: ея мужъ, оберъ-гофмаршалъ, Александръ Александровичъ, умеръ 21 мая 1795 г.

Павловича, пускай онъ невзначай увидитъ его и удивится моему подарку“. Возвращаясь съ Поповымъ въ свои комнаты расколоталась: „Бухъ напишетъ въ Копенгагенъ сущую ложь“.

(Изустно отъ Васи. Степан. Попова).

93.

Въ 1796 г., для блага Россіи, Екатерина предположила великую княжну Александру Павловну выдать въ замужество за молодого короля шведскаго Густава-Адольфа, и начатые о семъ переговоры приводились къ окончанію. Главное затрудненіе составляло шведское постановленіе, что супруга короля должна быть одного съ нимъ исповѣданія. Густавъ-Адольфъ приѣзжаетъ въ Петербургъ подъ именемъ графа Гаги. Императрица, опираясь на свой умъ и могущество, сдѣлала большую ошибку, назначивъ для переговоровъ съ прибывшими шведскими особами графа Аркадія Ивановича Маркова, бывшаго тамошнимъ резидентомъ. Безпокойный его нравъ, находя возможность величаться и мстить въ Петербургѣ стокальмскимъ неприятелямъ, все дѣло испортилъ. По повѣсткѣ въ назначенный для обрученія день, при собраніи всего двора, архіерей въ облаченіи ожидалъ выхода императрицы, которая въ порфирѣ и коронѣ сидѣла въ своемъ креслѣ въ кабинетѣ, а пересылка чрезъ посредство Маркова продолжалась и выводила Екатерину изъ терпѣнія; за рѣшительнымъ отвѣтомъ посланъ былъ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, и долго не возвращался; она приказываетъ Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину туда же слѣдовать. Безбородко встрѣтился съ нимъ на дворцовой лѣстницѣ и сказалъ: „а уже дѣло испорчено, король отвергъ, чтобъ великая княжна осталась въ греческомъ законѣ“. Безбородко и Марковъ вошли въ кабинетъ, а Пушкинъ остался у дверей. Императрица, вставъ съ мѣста въ великомъ гнѣвѣ, два раза тростью Маркова ударила, а Безбородко сказала: „я проучу этого мальчишку“, потомъ сбросила съ себя корону и, сорвавъ мантию, опустилась въ кресла; тутъ оказались признаки легкаго паралича и ночь проведена была въ ужасномъ положеніи. На другой день, назначивши балъ во дворцѣ, Екатерина чрезъ силу показалось на ономъ, не показывая ни малѣйшаго неудовольствія; графинѣ Скарвронской *) приказано было занять короля разговорами и начать съ нимъ польской.

*) Графиня Екатерина Васи. Скарвронская, рожден. Энгельгардтъ, род. 1761, ум. 7 февр. 1829, племянница князя Потемкина, вдова послѣдняго Скарвронскаго, графа Павла Мартыновича (род. 1757, умер. въ Неаполѣ въ 1791).

Великій князь Павелъ Петровичъ поступилъ иначе: когда король хотѣлъ говорить, то онъ отворотился и сталъ спиною.

(Изустно отъ гр. Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина).

94.

Фамильныя извѣстія о князѣ Потемкинѣ *).

Отецъ свѣтлѣйшаго, смоленскій помѣщикъ отставной подполковникъ Александръ Васильевичъ, былъ человекъ оригинальный. Въ преклонныхъ уже лѣтахъ, живя въ пензенскомъ своемъ помѣстьѣ, сельцѣ „Маншина“ **), нечаянно увидя овдовѣвшую, бездѣтную красавицу Дарью Васильевну Скуратову, по отцѣ Кондыреву, неподалеку жившую у мужниныхъ родныхъ въ селѣ „Большомъ Скуратовѣ“, что на кievской дорогѣ, — прельстился ея, и, объявивъ себя вдовымъ, началъ свататься. Скоро послѣ свадьбы молодая Потемкина, уже беременная, узнала, что она обманута, и что первая супруга жительствуетъ въ смоленской деревнѣ; потребовавъ свиданія съ законною женою, горчайшими слезами довела ее до состраданія, склонила отойти въ монастырь, и вскорѣ принявъ постриженіе симъ средствомъ утвердить бракъ сей. Престарѣлый Потемкинъ былъ своенравенъ, угрюмъ и ревнивъ до крайности, къ тому же имѣлъ состояніе небогатое, въ разныхъ губерніяхъ изъ 300 душъ состоявшее и запутанное процессами; все сіе не предвѣщало спокойной жизни молодой красавицѣ. Отъ сего супружества рождены четыре дочери, выданныя ими за Самойлова, Высоцкаго, Энгельгардта и Лихачева послѣдняя была глупая женщина.

Наконецъ въ 1739 г. родился чудный князь Таврическій, который былъ отъ отца нелюбимъ и даже подозрѣваемъ за побочнаго ***). Александръ Васильевичъ въ двоюродномъ братѣ Григоріи Матвѣевичѣ Козловскомъ, камеръ-коллегіи президентѣ, имѣлъ не только

*) Въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г. (стр. 575 и послѣд.) напечатано соч. гр. А. Н. Самойлова: «Жизнь и дѣянія кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго». Издатель «Архива», ссылаясь въ одномъ изъ примѣчаній на «Родословную книгу» кн. П. В. Долгорукаго, замѣчаетъ (стр. 587), что: «Составитель Родосл. книги (въ статьѣ о кн. Потемкинѣ) пользовался неизданною тетрадю записокъ о князѣ Потемкинѣ, составленныхъ его дальнимъ родственникомъ, извѣстнымъ археологомъ П. О. Карабановичемъ. Гдѣ теперь эта тетрадь?» спрашиваетъ въ заключеніе г. Бартевевъ. Тетрадь эта представляется нынѣ читателямъ «Русской Старины».

Ред.

**) Мѣсто рожденія Таврическаго принадлежитъ нынѣ, чрезъ покупку, Петру Александровичу Лихачеву.

П. Е.

***) Не задолго до рожденія кн. Таврическаго мать его увидѣла во снѣ солнце, прямо къ ней катившееся, и отъ страха пробудилась.

П. Е.

что искреннаго родственника, но и сильнаго покровителя, особливо же по дѣламъ тяжбымъ. Молодой Потемкинъ, нареченный именемъ сего дяди, былъ его крестникомъ и по просьбѣ матери взять на воспитаніе на пятомъ году отъ рожденія. Возрастая вмѣстѣ съ ровесникомъ своимъ, въ томъ же году рожденнымъ, сыномъ Козловскаго, Сергѣемъ Григорьевичемъ, обще учились нѣмецкому языку въ извѣстной тогда школѣ у профессора *), наконецъ поступили въ ново-учрежденной московскій университетъ. Гриць (такъ его всегда называлъ дядя) съ дѣтскихъ лѣтъ предвѣщалъ челоуѣка необыкновеннаго, предприимчиваго, самовластнаго. Григорій Матѣевичъ, любя его какъ сына, въ досадѣ говаривалъ: „Грицу моему либо быть въ чести, либо не сносить головы“. Привязанность молодого Потемкина къ духовенству была безпредѣльная; онъ часто убѣгалъ къ умному священнику приходской церкви Николая Чудотворца, что въ Воробинѣ, толковать священное писаніе и обряды духовныя, а въ церкви прислуживая ему въ алтарѣ, раздувалъ вадило и вынашивалъ свѣчу предъ евангеліемъ и святыми дарами.

Дарья Васильевна вела жизнь пренесчастную: ей запрещалось разговаривать съ мужчинами, ни одинъ зять не смѣлъ подходить къ рукѣ, а иногда наказанная, сидя за замкомъ, въ слезахъ предавалась отчаянію.

Въ послѣднее время жизни ревниваго старика, двоюродный же братъ его, Сергѣй Дмитріевичъ Потемкинъ, желая воспользоваться его имѣніемъ, еще болѣе клеветалъ на супругу, и увѣрялъ, что сынъ былъ незаконнорожденный. Подъ руководствомъ его подана была челобитная, опровергавшая брачный союзъ. Григорій Матѣевичъ, свѣдавъ сіе, привезъ сумасброднаго старика въ присутствіе и настоятельно потребовалъ возвращенія челобитной съ надписью.

Слѣдуетъ вопросъ: отчего дѣти Потемкина, Михаилъ и графъ Павелъ Сергѣевичи, выведены въ чины и обогащены Таврическимъ, а потомство Козловскаго не получило ни малѣйшаго знака признательности?

Потемкина, оставшись вдовою, жила въ маломъ ветхомъ домѣ на Никитской въ приходѣ Большаго Вознесенія (который впоследствии отданъ свѣтлѣйшимъ подъ строеніе новой церкви съ большимъ денежнымъ вкладомъ). Обремененная недостатками и судебными дѣлами, отдыхала, такъ сказать, подъ защитою Григорія Матѣевича; сынъ

*) Потемкинъ никогда не учился въ казанской гимназій, которая заведена въ 1758 г. Михаилъ Иванъ Веревкинъ, потому что находился уже въ дѣлствительной службѣ, лейбъ-гвардіи конномъ полку, имѣя 18-ть лѣтъ отъ рожденія.

ся, воспитываясь у сего дяди и благотворителя, обязанъ былъ въ праздничные дни, по повелѣнію матери, являться къ барону Строганову въ домъ его за Яузю; обходя церковь Никола въ Воробинѣ по Красной горѣ и спускамъ къ рѣкѣ, всегда восхищался красивымъ мѣстоположеніемъ и тогда уже дѣлалъ проекты скупить всё дома и выстроить преогромное зданіе; онъ часто говорилъ: „даю честное слово, ежели будетъ возможность исполнить“. Мысль сія дѣйствительно совершилась въ послѣднее время его жизни, покупкой домовъ: за церковью—кн. Хованскаго, по горѣ—Волкова, Кривцовой и Майкова до извѣстнаго переулка въ церкви Грузинскія Богородицы; проекты разсмотрѣны, планъ и фасадъ конфирмованы; вышеупомянутый храмъ долженствовалъ соединиться переходами къ правой сторонѣ сего огромнаго зданія въ видѣ домоваго; но смерть разрушила сіе предприятие. Мѣсто сіе чрезъ покупку дошло до кн. Безбородко и по иному плану, въ 1798 г. въ маѣ мѣсяцѣ, по отъѣздѣ Павла I изъ Москвы, сдѣлана закладка, и опять раздробилось на многія малыя части по кончинѣ послѣдняго.

Однажды по какому-то случаю приглашенъ былъ Григоріемъ Матвѣвичемъ грузинскій преосвященный для служенія въ церковь и на обѣдъ въ домъ; молодой Потемкинъ, возложъ на себя полное архіерейское облаченіе, предсталъ въ ономъ собранію гостей; взыскательный дядя съ сердцемъ сказалъ ему: „доживу до стыда, что не умѣлъ воспитать тебя какъ дворянина“.

Григорій Александровичъ нерѣдко говорилъ: „такъ, такъ, начну военной службой; а не такъ, то стану командовать понами“.

Онъ обще съ Сергѣемъ Григорьевичемъ записаны были лейбъ-гвардіи въ конный полкъ и служили вахмистрами. Послѣдній умеръ въ 1761 г., а Потемкинъ, при восшествіи на престолъ Екатерины, весьма способствовалъ въ приведеніи солдатъ къ присягѣ и пожалованъ въ подпоручики, а потомъ въ камеръ-юнкеры. Желаніе обратить на себя вниманіе императрицы никогда не оставляло его: стараясь нравиться ей, ловилъ ея взгляды, вздыхалъ, имѣлъ дерзновеніе дожидаться въ корридорѣ; и, когда она проходила, упалъ на колѣни и, цѣлуя ей руку, дѣлалъ нѣкотораго рода изъясненія. Она не противилась его движеніямъ. Орловы стали замѣчать каждый шагъ и всевозможно противиться его предпріятію.... Потемкинъ въ отчаяніи уклонился отъ двора, подъ видомъ болѣзни, и жилъ уединенно въ полку своемъ; тутъ предположилъ-было итти въ монахи, надѣвалъ нарочно сдѣланную архіерейскую одежду и учился осбнять свѣчами. Екатерина разспрашивала о немъ, посылала узнать о здоровьѣ. Однажды проѣзжаясь съ Григоріемъ Орловымъ, приказала остановиться про-

тивъ его жилища; Орловъ былъ посланъ для свиданія, а Потемкинъ, избѣгая онаго, скрылся черезъ огородъ къ полковому священнику, съ которымъ дѣлилъ время. Императрица пожелала его увидѣть и онъ снова показался у двора. Началось сватанье на фрейлинъ графинѣ Елизаветѣ Кирилловнѣ Разумовской *) съ намѣреніемъ привлечь къ тому Екатерину.

Между тѣмъ открылась первая турецкая война, доставившая случай удалить Потемкина отъ двора, склонивъ монархиню предложить ему начальство надъ отдѣльнымъ корпусомъ. Онъ чрезъ библиотекаря Петрова и Ивана Перфильевича Елагина, учителя ея русскому языку, изъявилъ свою покорность, съ дозволеніемъ писать къ ея величеству и получать чрезъ нихъ же хотя словесные отвѣты. Съ любопытствомъ прочитывая всѣ письма, она видѣла съ какимъ чувствомъ любви и съ какою похвалою изъяснялся онъ насчетъ ея особы; сперва приказывала словесные отвѣты, а потомъ сама принялась за перо, и вела съ нимъ переписку.

Любопытныя всякаго рода письма и Екатерины II къ Потемкину находились всегда при немъ, а по смерти остались у камердинера его, который въ началѣ царствованія Александра, приѣхавъ въ Петербургъ, имѣлъ намѣреніе ихъ поднести государю и получилъ отказъ.... Генераль-маіоръ Николай Ѳедоровичъ Хитровъ**) купилъ ихъ за шесть тысячъ рублей. (Гр. Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ видѣлъ сію переписку).

Въ Петербургѣ послѣдовала важная перемена: партія гр. Никиты Ивановича Панина восторжествовала надъ Орловыми, принудила ихъ уклониться, а во двору представленъ Александръ Семеновичъ Васильчиковъ (сент. 1772 г.), имѣвшій подпорье. Потемкинъ въ чинѣ генераль-поручика приѣзжаетъ изъ арміи, приглашается съ отличнѣмъ благоволеніемъ въ числѣ избранныхъ въ комнатныя и эрмитажныя собранія; тамъ, послѣ спектакля, императрица предложила ему сыграть игру въ шашки и такъ занялась имъ, что во весь вечеръ не вставала съ мѣста; на другой день новый любимецъ письменно благодарилъ за милость и просилъ удостоить его званія генераль-адъютанта***)... Десятилѣтнее желаніе увѣнчалось успѣхомъ на дачѣ у Елагина.

*) Род. 15 дек. 1749, вышла потомъ, противъ воли отца, за графа Петра Ѳедоров. Апраксина.

**) Никол. Ѳедор. Хитровъ, генер.-маіоръ, былъ женатъ на вдовѣ, графинѣ Елизаветѣ Михайловнѣ Тизенгаузенъ, рожд. княжнѣ Бутузовой-Смоленской (дочери фельдмаршала).

***) Мартъ 1774, оставался фаворитомъ до апрѣля 1776.

Князь Потемкину вся фамилия Зубовыхъ, выведенная гр. Ник. Ив. Салтыковымъ, была противна. Не взирая ни на что, онъ домогался замѣнить ихъ кѣмъ-либо другимъ. Когда въ 1790 г. Валеріанъ Зубовъ отправился въ армию, Екатерина, чтобы доставить случай ему отличиться, поручила его Потемкину, который явно искалъ его погибели—и поставилъ на батарею, гдѣ, за истребленіемъ всѣхъ, Валеріанъ самъ-шестъ остался въ живыхъ. По приѣздѣ въ Петербургъ сей жаловался императрицѣ, и открылъ ей многія намѣренія, что Потемкинъ безпрестанно подъ разными видами увеличиваетъ свое войско, составляетъ двухкомплектные полки; имѣетъ готовыхъ солдатъ, распущенныхъ по селеніямъ; всячески старается привлекать къ себѣ жителей того края, которые-де ему очень преданы, и т. п. Екатерина начала опасаться и вызвала его въ Петербургъ, гдѣ онъ занялъ публику очаровательнымъ праздникомъ даннымъ императрицѣ, которая, вопреки его предположенію, желала мира и дала кн. Репнину повелѣніе заключить оный безъ его вѣдома.

Потемкинъ, готовясь къ отъѣзду и побуждаемый Екатериною, медлилъ,—толковалъ сны, занимался привидѣніями; а могущество его и довѣренность императрицы ежечасно ослабѣвали.

На дорогѣ онъ встрѣтилъ эстафета съ извѣстіемъ о заключенномъ мирѣ; распечатавъ пакеты, на иныхъ прописалъ: „къ государинѣ“, другіе удержалъ, и отправилъ къ Рибасу *) ордеръ бить турокъ на морѣ. Диванъ находился въ изумленіи отъ неимовѣрныхъ успѣховъ, одержанныхъ симъ начальникомъ надъ турецкимъ флотомъ.

Предпріимчивый Потемкинъ не въ силахъ былъ продолжать войну и потерялся. Отъ огорченія сдѣлавшись нездоровъ, поѣхалъ изъ Яссы въ Херсонъ и на дорогѣ скоростижно умеръ, вѣроятно отъ даннаго яда; трудно рѣшить дѣйствовалъ ли кн. Зубовъ одинъ, или нѣтъ. Сіе послѣдовало въ 1791 г. октября 5 дня.

95.

Князь Потемкинъ, сдѣлавшись самымъ приближеннымъ лицомъ къ Екатеринѣ II, въ 1774 г. взялъ въ секретари извѣстнаго стихотворца Рубана. Въ кабинетѣ говорить ему: „денегъ нѣтъ, занимать стыдно, а просить не хочу—пускай-де сама догадается; въ стихахъ напишемъ-ка, хотя въ соляную контору, чтобы отпустили десять тысячъ“. Рубанъ отвѣчалъ: „намъ не отпустить“. — Попробуй, подхватишь Потемкинъ, не хочешь ли поспорить со мной? Я напишу,

*) Осипъ Иван. Рибасъ ум. въ Сиб. 1800 г. (отъ отравы? Петровъ: примѣчанія къ сборн. матер. для исторіи имп. акад. худож., стр. 734). Жена Анастасія Иван. Соколова, воспитанница Ив. Ив. Бецкаго.

чтобъ тебѣ отсчитали десять ударовъ кнутаго". (Каждый генераль-адъютантъ имѣлъ право объявлять словесные указы и брать на свое имя изъ всѣхъ казенныхъ мѣстъ суммы не свыше 10 т. руб.).

96.

Камергеръ, бывшій потомъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ, Алексѣй Андреевичъ Ржевскій не хотѣлъ собою умножить число ласкателей Потемкина, и никогда къ нему не каживалъ въ комнаты. Вскорѣ открылось, что, по важному процессу, приходившему къ рѣшенію, ему нуженъ былъ сильный защитникъ. Ржевскій рѣшается объяснить свое положеніе Потемкину, что его сторона справедлива и просить быть заступникомъ. Черезъ пять дней Потемкинъ, поздравя Ржевскаго съ благополучнымъ окончаніемъ, прибавилъ.....

(Конецъ въ рукописи нѣтъ).

97.

Славный механикъ Кулибинъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ бородою своею, несмотря на предложеніе ему чиновъ и титуловъ. Наконецъ, по усиленному настоянію князя Григорія Григорьевича Орлова, рѣшается выбриться, если точно узнаеть, что сіе непременно угодно императрицѣ. Князь докладываетъ государынѣ, но мудрая царица сія велѣла сказать Кулибину, что она еще больше его уважаетъ за его почтеніе къ обычаю предковъ; не только позволяетъ, но приказываетъ остаться въ бородѣ, и если чины и титулы нейдутъ къ его костюму, то знаетъ чѣмъ его отличить и жалуетъ ему для ношенія золотую медаль съ выбитымъ его именемъ, чего никто еще никогда не получалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРАФЪ М. М. СПЕРАНСКІЙ.

I.

Записки Н. И. Саввантова.

Недавно, совершенно случайно, попалось мнѣ стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Дополненіе къ вчерашнему разговору“ Словцова съ Сперанскимъ, которое сообщалъ я „Русской Старинѣ“ въ томъ видѣ, въ какомъ оно удержалось въ моей памяти, т.-е. съ грѣхомъ пополамъ („Русская Старина“, изд. 1872 г. т. V, стр. 81). Теперь представляю это стихотвореніе въ полномъ и исправномъ видѣ.

Дополненіе къ вчерашнему разговору.

27 февраля (1796 г.).

Полно, другъ, съ фортуною считаться
И казать ей философскій взоръ;
Время съ разсужденіемъ разстаться,
Если счастье катитъ на дворъ.

Лучше съ свѣтомъ въ вихрь тебѣ нустаться
И крутиться по степенямъ честей,
Чѣмъ въ пустыню съ Прологомъ забиться
И посохнуть съ горя безъ людей.

Вѣтеръ вѣетъ вамъ благополучный:
Для чего-жъ сидѣть бы взаперти?
Для чего вдаваться мысли скучной,
Что застигнетъ буря на пути?

Правильно ты вѣсилъ свѣта мѹку,
Тяжесть золотыхъ его цѣней;
Но ты завѣсилъ ли монаховъ скуку,
И сочелъ ли, сколько груза въ ней?

Пестра мантия съ златни расни
Хоть закроетъ стать твою и ходъ;

Но закроеть ли глаза невластны
Отъ плутовокъ-набожныхъ красотъ,

Кои въ церковь съ полыми грудями
Ходять показаться женихамъ,
И, предъ образомъ куряса духами,
Отъ сердце пріемлють омиамъ?

Трудно отъ заразы ихъ защититься,
Хоть себя крестъ-на-крестъ огради;
Вѣчно сердце станеть биться,
Панагія хоть и на груди.

Панагія, другъ, не крѣпкъ латы,
И блестяща митра вѣдь не шлемъ;
Ежели шалунъ-амуръ крмлатнй
Грянетъ въ архипастырскій теремъ.

Полно, другъ мой, мнслями ристаться;
Полно, сидя съ книгой, умъ копить;
Время, время съ пристанью разстаться
И по вѣтру парусъ распустить.

Какъ гальотъ твой по зыбямъ помчится,
Такъ причаль за бортъ и мой челнокъ.
Если валъ девятый и случится,
То ударъ мнѣ съ боку, чай, легокъ.

П. А. Словцовъ.

Къ слову о Сперанскомъ, пользуюсь случаемъ сообщить для записной книжки „Русской Старины“ слѣдующія замѣтки:

1.

Проводивъ Сперанскаго изъ Грузина до самой пристани (на Волховѣ), графъ Аракчеевъ пригласилъ къ себѣ на вечерній чай Н. С. Ильинскаго, П. А. Клейнмихеля, домашняго своего доктора и еще кого-то. За чаемъ начался разговоръ объ уѣхавшемъ гостѣ. „Знаете-ли, какой это человекъ? сказалъ графъ: если бы у меня была треть ума Сперанскаго, я былъ бы великимъ человекомъ“.

Это слышалъ я отъ упомянутаго Н. С. Ильинскаго, который при Аракчеевѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ протоіереемъ Грузинскаго Андреевскаго собора. Много любопытныхъ подробностей рассказывалъ мнѣ Николай Степановичъ о грузинской жизни графа; я просилъ почтеннаго рассказчика написать эти подробности вмѣстѣ съ другими воспоминаніями о жизни въ Грузинѣ, и онъ обѣщалъ исполнить мою просьбу. Но послѣ неоднократныхъ напомина-

ній о томъ, принялся ли онъ писать свои Воспоминанія, онъ сказалъ мнѣ однажды: „Принимался, да не могу. Графъ дѣлалъ мнѣ добро; но правду писать объ немъ надобно не чернилами, а кровью“.

2.

Замѣчательнъ случай, заставившій Николая Степановича Ильинскаго оставить Грузино. Когда зарѣзана была любовница Аракчеева, Настасья, графъ приказалъ похоронить ее въ Грузинскомъ соборѣ, рядомъ съ могилой, которую онъ приготовилъ для себя. Для избѣжанія какихъ-нибудь неприятностей отъ своего начальства, Николай Степановичъ послалъ донесеніе объ этомъ преосвященному Моисею, тогдашнему викарію новгородскому, и просилъ разрѣшенія исполнить требованіе графа. Въ это время извѣстный архимандритъ Фотій, отправляясь въ Грузино — утѣшать Аракчеева и, конечно, принять участіе въ погребеніи его возлюбленной, посѣтилъ преосвященнаго Моисея и узналъ отъ него о полученномъ изъ Грузина донесеніи; но пріѣздъ въ Грузино, онъ сообщилъ объ этомъ графу. Аракчеевъ вскипѣлъ гнѣвомъ на своего протоіерея и, между разными угрозами, сказалъ: „Ему не будетъ мѣста не только въ Сибири, а и на землѣ!“ Когда вѣсть объ этомъ дошла до Николая Степановича, то онъ успѣшилъ обратиться къ митрополиту Серафиму съ просьбою, чтобъ владыка перевелъ его куда-нибудь изъ Грузина. Митрополитъ опредѣлилъ его протоіереемъ въ соборъ Боровичскій. Отсюда онъ былъ впослѣдствіи переведенъ въ Петербургъ, въ церкви апостола Матѳея, а потомъ на Волковское кладбище; наконецъ принялъ монашество съ именемъ Никанора, и 3 іюля 1863 года скончался архимандритомъ и намѣстникомъ Александроневской лавры. Почтенна должна быть память его для духовенства с.-петербургской епархіи: его стараніемъ устроена домовая церковь въ Александроневскомъ училищѣ; его усердію обязанъ своимъ основаніемъ и Александроневскій домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія; его многотрудными заботами умиротворено духовенство всего Шлиссельбургскаго уѣзда, и проч. и проч.

3.

Отъ того же Н. С. Ильинскаго слышалъ я и слѣдующій разсказъ объ Аракчеевѣ: обязанный первоначальнымъ своимъ возвышеніемъ императору Павлу Петровичу, Аракчеевъ до конца жизни глубоко чтилъ память своего благодѣтеля. Въ грузинскомъ саду, неподалеку отъ дома, въ которомъ жилъ Аракчеевъ, былъ поставленъ бюстъ императора. Въ лѣтнее время, когда Аракчееву угодно было приглашать къ себѣ на обѣдъ грузинскую служебную знать, обѣденный столъ въ

хорошую погоду обыкновенно накрывался у этого бюста, противъ котораго всегда оставалось незанятое мѣсто и во время обѣда ставилась на столъ каждая перемиѣна кушанья; въ концѣ обѣда подавался кофе, и Аракчеевъ, взявши первую чашку, выливалъ ее къ подножію императорскаго бюста; послѣ этого возліанія онъ бралъ для себя уже другую чашку.

4.

Вспомнился мнѣ еще одинъ разсказъ о графѣ Аракчеевѣ, слыханный мною отъ А. С. Норова. Отецъ Авраама Сергѣевича былъ хорошо знакомъ съ Аракчеевымъ, который, по этому знакомству, и покровительствовалъ Норовымъ въ первые годы ихъ службы. Бывши уже въ чинѣ полковника, Авраамъ Сергѣевичъ вздумалъ просить себя у императора Александра I губернаторской должности. На другой или на третій день послѣ того, какъ онъ подалъ объ этомъ прошеніе государю, графъ Аракчеевъ пригласилъ его къ себѣ.

„Благодари меня“, сказалъ ему графъ, поздоровавшись съ нимъ. — Благодарю повторно, хотя еще и не знаю — за что, отвѣчалъ ему Авраамъ Сергѣевичъ.

„Да хорошенько благодари — за то, что я успѣлъ оказать тебѣ большое благодѣяніе. Ты просилъ государя сдѣлать тебя губернаторомъ; вѣдь государь чуть-было ни согласился на твою просьбу, да къ твоему счастью, я остановилъ его. Знаю я, что ты храбрый офицеръ, что ты человѣкъ добрый; но какой ты губернаторъ? по своей добротѣ, ты испортилъ бы всю губернію, да и самъ попался бы въ непріятное положеніе“.

Сообщ. П. И. Саввантовъ.

II.

Рѣчь императора Александра Павловича въ первомъ засѣданіи государственнаго совѣта.

1 января 1810 г.

Помѣщаемая здѣсь рѣчь — достаточно извѣстна: о ней упоминаетъ графъ М. А. Корфъ въ соч.: «Жизнь гр. М. М. Сперанскаго». М. И. Богдановичъ — приводитъ изъ нея отрывокъ. Даневскій — въ его «Исторіи Государственнаго Совѣта» также на ней останавливается. Проектъ рѣчи составленъ Сперанскимъ. Приводимъ ее по хорошему списку, сообщенному Александромъ Максимовичемъ Княжевичемъ; разрядкой отиѣченъ поправки императора Александра I.

Ред.

Господа члены государственнаго совѣта!

Я считаю нужнымъ изъяснить вамъ причины, побудившія меня собрать васъ въ сей день *).

*) Зачеркнуто: „во едино“.

А. Б.

Порядокъ и единообразіе дѣлъ государственныхъ требуютъ, чтобъ было одно средоточіе для общаго ихъ соображенія.

Въ настоящемъ составѣ управленія жить у насъ сего установленія.

Какимъ образомъ въ государствѣ столь обширномъ *), разныя части управленія могутъ идти съ стройностію и успѣхомъ, когда каждая движется по своему направленію и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству?

Одно личное дѣйствіе власти въ великомъ разнообразіи дѣлъ государственныхъ, не можетъ сохранить сего единства. Сверхъ сего лица умираютъ, одни установленія живутъ и въ теченіи вѣковъ сохраняютъ основанія государствъ.

Всѣ благонамѣренные люди давно уже чувствовали сіи нетины.

Любя отечество, бывъ поставленъ въ отвѣтъ передъ Богомъ въ цѣсти его и благоустройствѣ, я болѣе другихъ долженъ былъ ихъ ощущать **).

Не частными исправленіями, не подробностями многочисленными и преходящими стоятъ и процвѣтаютъ государства.

Среди всѣхъ ***) заботъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ и вѣшнихъ, мысль о твердыхъ государственныхъ постановленіяхъ никогда меня не оставляла.

Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе имперіи утвердилось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ.

Я считалъ всѣ минуты жизни моей потерянными для блага Россіи, въ коей войною и вѣшными происшествіями намѣренія мои отвлекались отъ сей великой цѣли.

Не скрыты отъ меня были всѣ послѣдствія сего умедленія.

Я чувствовалъ недостатокъ твердаго въ дѣлахъ порядка, съ тою же живостію, съ коею обыкъ я любить и всему предпочитать пользы отечества.

Наконецъ Всевышній благословляетъ мои желанія. Въ сей день, съ началомъ новаго года, имѣю я удовольствіе положить твердое основаніе изъ важнѣйшихъ государственныхъ постановленій.

Государственный Совѣтъ будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Бытіе его отнынѣ станеть на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существу имперіи принадлежащихъ.

Призвавъ васъ въ составъ сего сословія, я не могъ вамъ дать высшаго свидѣтельства моего къ вамъ довѣрія.

*) Зачеркнуто: «и въ силахъ его многосложномъ».

А. Е.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «чувствовать».

А. Е.

***) Въмѣсто зачеркнутаго: «безчисленныхъ».

А. Е.

Все что въ мысляхъ и желаніяхъ близкихъ есть самаго твердаго и непоколебимаго, все будетъ мною употреблено, чтобъ установить порядоки и оградить имперію добрыми законами.

Вы примете священную обязанность мнѣ во всемъ содѣйствовать. Предъ отечествомъ, предъ Богомъ, вы будете въ семъ отвѣтствовать.

Предъ сими великими именами, всѣ личныя уваженія должны исчезнуть; изочтите милліоны, кои отъ васъ ожидать будутъ твердой собственности, тишины и благоустройства и измѣрьте симъ пространство вашихъ обязанностей и степень моего къ вамъ довѣрія.

Уповаю на васъ *) и благословіе Всевышняго; мой долгъ будетъ**) раздѣлять труды ваши и исеять одной славы, для сердца моего чувствительной, чтобы нѣкогда, въ позднихъ временахъ, когда меня уже не будетъ, истинны е***) сыны отечества, ощутивъ пользу сего учрежденія, вспомнили, что оно установлено было при мнѣ, моимъ искреннимъ ****) желаніемъ блага Россіи.

Сообщ. А. М. Княжевичъ.

III.

Назарета Васильевна Шванвичъ.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 г., т. IV, стр. 386—387, въ статьѣ П. О. Карабанова о фрейлинахъ высочайшаго двора, подъ № 32-мъ помѣщена статья о Марьѣ Васильевнѣ Шкурпной, гдѣ сказано, что она, изъ пріязни къ Назаретѣ Васильевнѣ Шванвичъ, переселялась съ нею въ монастыри, гдѣ та назначалась игуменьей, и между прочимъ въ Казань.

Назарета Васильевна была рожденная Гладкая, сестра бывшаго нѣкогда въ Петербургѣ оберъ-полиціймейстера Ивана Васильевича Гладкаго, и была замужемъ за Шванвичемъ. Прибывъ въ Казань въ 1807 году, она ввела въ монастырѣ, державшемся старыхъ патриархальныхъ порядковъ, разныя нововведенія, и между прочимъ въ церквахъ, при службѣ, назначила мѣста, гдѣ должны стоять тѣ или другія сословія. Эти новыя порядки не очень понравились жителямъ города и по этому случаю пущена была въ публику слѣдующая сатира:

Подъ чернымъ клобукомъ, подъ маскою святини,
Съ глѣтъ юныхъ грѣшница, а днесъ полна гордыни,
Въ голландскомъ Гладкая затворница сыру,
Соблазнъ своимъ сестрамъ, посмѣшище въ міру,

*) Въмѣсто зачеркнутаго: „я призываю на васъ“.

А. Е.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: „и“.

А. Е.

***) Въмѣсто зачеркнутаго: „добрыя“.

А. Е.

****) Въмѣсто зачеркнутаго: „неизмѣннымъ“.

А. Е.

И ты, достойная подъ стать ея фигура,
 Старинной выдѣлки изношенная Шкура,
 Доколь васъ не уйметъ владыка архирей,
 Дотоль не буду знать въ вашъ монастырь дверей.
 На грѣхъ туда идутъ, храня старинны нравы:
 Вы бабы вводите во всемъ туда уставы;
 На стойлы дѣлите молитвы храмъ святой:
 Здѣсь вы съ компаніей, а тамъ мужчины стой;
 Вдаль отведенъ раекъ, а впереди партеры:
 Тамъ смура чернь молишь, здѣсь дамы, кавалеры.
 И словомъ храмъ театр: игуменія-мать
 Изволить первую въ немъ ложу занимать,
 Отколѣ зрять на всѣхъ суровыми очами,
 Какъ распаленными громовыми свѣчами.
 О грѣхъ, о выдумка достойна сатаны!
 Поодаль юбокъ тамъ, должны стоять штаны.
 Вчера-ль, третьягодня-ль, да просто ономедни,
 Приѣзжій въ городъ Штабъ зашелъ туда къ обѣднѣ.
 Держась обычая, какой по всѣмъ церквамъ,
 Онъ смѣло перешолъ перегородку тамъ.
 Ужъ онъ, какъ водится, иконамъ помолнися
 И на чегыре всѣ сторонки поклоннися,
 Какъ вдругъ почувствовалъ вдоль праваго плеча
 Толчокъ монашенки: онъ думалъ, что свѣча
 На жертву чрезъ него иконѣ предается;
 Но слышитъ, позади визгъ женскій раздается:
 «Изъ-за рѣшетки вонъ и встань поодаль тамъ».
 Служивый былъ и гордъ и нѣсколько упрямъ;
 Съ другимъ посломъ приказъ, а Штабъ опять съ отказомъ.
 Сама игуменья рѣшилась третьимъ разомъ
 Власть свыше данную надъ нимъ употребить,
 Геройской настуью героя съ мѣста сбить:
 Она въ него слова: «глупца, невѣжды» мечеть;
 Штабъ-витязь слушаетъ, однако не трепещеть,
 Стоить какъ вкопанный и съ мѣста ни на пядь.
 Мать вида, что его симъ средствомъ не пронять,
 Велитъ квартальному извѣсть его изъ храма—
 Вотъ чѣмъ окончилась смѣшная эта драма.

Сообщ. А. М. Княжевичъ.

IV.

Подвигъ Вержбицкаго.

Гг. редакторы! По поводу помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 г. т. III (стр. 792—793) замѣтки, подъ заглавіемъ: „Повелѣніе императора Николая I о подвигѣ Вержбицкаго“, позвольте мнѣ разсказать нѣчто о самомъ Вержбицкомъ, лично мнѣ знакомомъ и о его подвигѣ, имъ самимъ мнѣ разсказанномъ.

Когда я поступилъ подпрапорщикомъ въ суздальскій пѣхотный полкъ (16-й дивизіи), въ іюнѣ 1852 года, я засталъ тамъ Вержбицкаго старымъ юнкеромъ; онъ былъ выпущенъ изъ корпуса въ юнкера на 6 лѣтъ. Въ 1853 году онъ былъ произведенъ въ прапорщики въ углицкій полкъ (той же дивизіи). Будучи хорошимъ фронтовикомъ и зная отлично службу, онъ былъ несообщителенъ и почти всегда молчалъ, впрочемъ, товарищеской компаніи не чуждался. Выѣстъ съ тѣмъ, имѣя характеръ замѣчательно прямой и честный, всегда былъ любимъ какъ товарищами-юнкерами, такъ и офицерами. Со времени производства его въ офицеры я надолго потерялъ его изъ виду. Въ памятную ночь послѣ отступленія изъ-подъ р. Альмы съ 8 на 9 сентября, на р. Качѣ, я его мелькомъ увидѣлъ и узналъ, что изъ сраженія онъ вышелъ невредимъ. Въ концѣ ноября 1854 года я отъ своего полка—суздальскаго, Вержбицкій же—отъ углицкаго, были командированы въ Севастополь для перевозки полковыхъ обозовъ изъ города на сѣверную сторону и потомъ—для отправленія ихъ къ полкамъ, стоявшимъ верстъ за 20, именно около Чоргуна и Шулла. И вотъ на сѣверномъ берегу бухты, въ Сухой балкѣ, среди неизобразимой грязи и хаоса я встрѣтился опять съ Вержбицкимъ, и тутъ мы прожили съ нимъ болѣе 2-хъ недѣль неразлучно. Въ это то самое незабвенное для насъ время я чрезвычайно сблизился съ Вержбицкимъ, который сталъ со мною вполнѣ откровененъ. Въ одной изъ нашихъ бесѣдъ онъ разсказалъ мнѣ тотъ эпизодъ изъ своей жизни, который помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“; но только есть разница между его разсказомъ и сообщеніемъ г. Тихонравова. Вотъ что передалъ мнѣ Вержбицкій.

Помнить онъ, было ему лѣтъ 5; случился въ нихъ домѣ пожаръ; онъ и его сестра,—еще грудной ребенокъ, были забыты въ горящемъ домѣ; онъ взялъ ее на руки и вынесъ изъ дому и пошелъ съ нею куда глаза глядятъ, съ ними и только что оцененная любимая сука, безъ щенятъ, которыя остались на пожарѣ; пришли въ лѣсъ; тамъ въ продолженіи около недѣли онъ пропитывался разными травами, кореньями и ягодами; сестру же подкладывалъ подъ суку, которая этому нисколько не сопротивлялась, какъ потому что любила дѣтей, такъ и потому, что грудной ребенокъ оказывалъ ей существенную услугу, отсасывая молоко, котораго за неимѣніемъ щенятъ некому было бы высосать; спомлѣніе же молока причиняло ей сильную боль. Бродя такимъ образомъ по лѣсу и нося сестру на рукахъ, они однажды, случайно, вышли на большую дорогу, по которой въ то время проѣзжалъ будто-бы государь Николай Павловичъ со свитой. Обративъ на себя вниманіе, онъ былъ подозванъ государемъ и спрошенъ. Тутъ

Вержбицкій рассказалъ все; но при этомъ будто онъ забылъ свое имя, и государь давъ ему свое имя Николай, повелѣлъ опредѣлить его въ кадетскій корпусъ, а сестру—въ институтъ.

Вотъ какъ я слышалъ рассказъ объ этомъ подвигѣ отъ его виновника. Было бы хорошо, еслибъ Вержбицкій, если онъ живъ, откликнулся на мой зовъ, въ „Русской же Старинѣ“, и рассказалъ какъ было дѣло; дѣло же это такого рода, которому примѣровъ можетъ быть никогда не было и не будетъ.

Гдѣ-то ты теперь, бѣдный труженикъ, добрый товарищъ, одинъ изъ защитниковъ Севастополя?!

Послѣ описаннаго нашего бѣдствованія на берегу бухты я уже никогда не встрѣчался болѣе съ Вержбицкимъ.

Насколько могу припомнить, изъ Севастополя онъ вышелъ живъ и невредимъ; впрочемъ за это не ручаюсь. Въ описываемую эпоху сестра его была гувернанткою у кого-то въ Москвѣ.

Усадьба Софievка, 1-го февраля 1872 года.

Валентинъ Новицкій.

V.

Любопытная резолюція архіепископа иркутскаго Иринея.

1830.

Ниже помѣщаемая резолюція надписана иркутскимъ архіепископомъ Иринеемъ на отношеніи игуменьи одного женскаго монастыря его епархіи. Игуменья, вопреки предписанію архипастыря, отказалась принять въ монастырь падшую дѣвицу, дочь священника, на томъ основаніи, что дѣвушка эта подозрѣна была въ беременности. Виновникомъ ея грѣха былъ, какъ можно догадываться, одинъ изъ церковно-служителей.

Ред.

Объявить въ послѣдній разъ игуменьѣ, что ежели она станетъ учить епархіальное начальство, то будетъ лишена своего мѣста безъ всякаго замедленія и непремѣнно (50-й пунктъ духовнаго регламента о настоятеляхъ). Ужели дѣвицы живущія въ монастырѣ не знаютъ, что есть беременность? ужели не видятъ приходящихъ на богомоліе женъ беременныхъ? ужели не знаютъ, что отъ чрева матери Богъ—есть ихъ Богъ? ужели не читаютъ: „благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего“. Кромѣ сего, бумагами отъ меня выпедшими не предписано разрѣшенія (отъ беременности) дожидать въ монастырѣ сей дѣвки, а только примѣтить, беременна-ли она, что одно время можетъ открытъ;—за симъ пойдутъ другія уже распоряженія. Наконецъ это лучше—зверзя камень, должно-бы вспомнить и смириться, а не величаться. Монастырь, въ которомъ обитаетъ духъ гордости, а не духъ Христовъ—не монастырь, и игуменья, которая говоритъ языкомъ міра,

а не любви приносящей все на жертву о Господѣ—не игуменья. Есть тысячные способы помочь исполнить святую мысль епархіального начальства; есть сосѣдства, есть домъ монастырской, тутъ же есть благодѣтели, есть христіане, которые все готовы исполнить лишь-бы искоренить соблазнъ и дать восторжествовать истинѣ на свѣшницѣ церкви святыя. Примѣръ приведенный здѣсь *) о Толстихъ—не справедливъ: тамъ тайна беззаконія, а здѣсь судъ милосердія со впадшимъ въ разбойники. Регламентъ говорить о безчестныхъ, а здѣсь честь на средѣ, честь откроетъ незаконную причину, удалить нареканіе отъ служителя алтаря. Есть случай, когда самой законъ измѣняется: такъ, по евангелію, Давидъ вкушалъ тѣ хлѣбы, коихъ нельзя было употребить; здѣсь—та же крайность и ежели что-либо произойдетъ, то епархіальное начальство подвергнетъ всей строгости суда за неповиновеніе его предписанію; кромѣ сего сіе средство спасетъ и честь или подвергнется лишенію извѣстныхъ многихъ лицъ и кому же свойственнѣе ввѣрить честь братіи своей, ежели не самимъ? ужели срамоту ихъ должно отерывать предъ мірови? Такови по апостолу: „нѣсть въ васъ разумѣніа“.

Сообщ. А. И. Войцеховичъ.

Примѣчаніе. Вотъ нѣсколько данныхъ изъ жизни Иркутскаго архипастыря: Ириней Несторовичъ род. около 1785 г.; по окончаніи курса въ Кіевской Духовной Академіи въ 1805 г. былъ въ ней учителемъ; 1813 г.—префектъ кишиневской духовной семинаріи съ постриженіемъ въ монахи и посвященіемъ въ іеромонахи; 1817 г.—архимандритъ; 1820 г.—ректоръ кишиневской семинаріи; 31 янв. 1826 г. назначенъ епископомъ въ Пензу; 26 іюля 1830 г.—переведенъ архіепископомъ въ Иркутскъ. Въ первое же время по прибытіи въ Сибирь—у Ириней вышли столкновенія съ иркутскимъ полиціймейстеромъ Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ (декабристъ) и также съ генералъ-губернаторомъ Лавинскимъ. 28 іюня 1831 г. состоялось высочайшее повелѣніе объ удаленіи Ириней отъ управленія епархіею, съ назначеніемъ ему содержанія по 1200 р. въ годъ и предоставленіемъ ему въ управленіе Спасо-Прилуцкаго (Вологодскаго) монастыря. Заподозривъ подлинность синодскаго указа, полученнаго имъ по сему случаю, преосвящ. Ириней отказался выѣхать изъ Иркутска, пока не получитъ подтвердительнаго печатнаго указа; вслѣдствіе такого неповиновенія были посланы въ Иркутскъ флигель-адъютантъ Гогель и жандармскій подполковникъ Брянчаниновъ: послѣдній отвезъ его въ Володу, съ предписаніемъ тамошнему архіерею преосвящ. Стефану Романовскому († 1841 г. дек. 4, архіепископомъ астраханскимъ) помѣстить его въ Спасо-Прилуцкій монастырь. Здѣсь онъ и оставался подъ надзоромъ вологодскаго архіерея нѣсколько лѣтъ. По нѣкоторымъ объясненіямъ Ириней и поступкамъ его въ Иркутскѣ—полагали, что въ немъ временное помраченіе умственныхъ способностей. Впослѣдствіи ему дано разрѣшеніе священнодѣйствовать и данъ въ управленіе Толгскій мон. (Ярослав. епархія), гдѣ онъ и умеръ въ 1864 г.

Ред.

*) То-есть въ донесеніи игуменья, котораго мы не имѣемъ.

Ред.

VI.

Графъ Паленъ.

Замѣчаніе г. Хмырова о гр. Паленѣ („Русск. Стар.“ изд. 1872 г. т. V, стр. 240) не совсѣмъ вѣрно.

1) Георгія 3 ст. гр. Паленъ получилъ дѣйствительно 14 апр. 1789 г., но не за шведскую войну, а за штурмъ Очакова (6 дек. 1788 г.), при которомъ отличился (см. Жизнь ген.-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. Спб. 1811 г. ч. II, стр. 39). Есть даже извѣстный анекдотъ о рѣшимости Палена въ этотъ день: передъ приступомъ ему поручено было командованіе одною колониюю; онъ долженъ былъ первый проникнуть въ Очаковъ, и какъ только взойдетъ въ городъ, дать сигналъ тремя ракетами, тогда другія колонны должны были двинуться на приступъ. Паленъ сказалъ, что исполнить это распоряженіе. Но условленный сигналъ данъ былъ имъ, какъ только онъ тронулся съ мѣста, и чрезъ это произошло общее и одновременное движеніе всѣхъ колоннъ, что и рѣшило взятіе Очакова. 2) Губернаторомъ (не генералъ-губернаторомъ) Курляндскимъ назначенъ онъ не по протекціи Зубова, а потому что былъ главнымъ дѣятелемъ въ важномъ дѣлѣ присоединенія Курляндіи къ Россіи. Присоединеніе это торжественно совершилось 15-го апр. 1795 г.; за это онъ получилъ 21-го апрѣля того же года орденъ св. Александра Невскаго и богатое имѣніе Эккау, въ Курляндіи, а вслѣдъ за симъ, 2-го мая, назначенъ Курляндскимъ губернаторомъ. (См. Русскій Вѣстникъ, май 1870 г., статью: „Курляндія“). 3) Послѣ отставки въ 1797 г. назначенъ сперва (24-го ноября 1797 г.) полковымъ командиромъ конной гвардіи, въ слѣдующемъ году (31-го марта) генер. отъ-кавал., и 28-го іюля с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. 4) 1801 г. февр. 20-го назначенъ, на мѣсто Ростопчина, первоприсутствующимъ въ Коллегіи Иностран. Дѣлъ (съ сохраненіемъ всѣхъ другихъ своихъ должностей). 5) 1801 г. марта 29-го посланъ въ Ревель для принятія мѣръ противъ возможной высадки англійскаго флота; 6) 1801 г. марта 30-го назначенъ, въ числѣ другихъ лицъ, членомъ новоучрежденнаго совѣта для разсмотрѣнія важныхъ государственныхъ дѣлъ; 7) 1801 г. іюня 17-го, въ день своего рожденія (а не 1-го апрѣля) уволенъ, по прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ и отправился въ Эккау, гдѣ и умеръ 13-го февраля 1826 года. Л.

VII.

Левшина и Саблуковъ.

Анна Ив. Левшина, рожденная княжна Львова, жена полковника Ив. Ѳомича Левшина, была матерью первой жены кн. Петр. Вас.

Лопухина (стало быть бабушкою княжнѣ А. П. Гагариной, а не женою родного ея дяди, какъ замѣчено г. Хмыровымъ на стр. 255, № XXX, „Русской Старинѣ“ т. V, изд. 1872 г.). Анна Ивановна пользовалась большимъ уваженіемъ въ обществѣ. Домъ, о которомъ здѣсь говорить, былъ на Невскомъ проспектѣ напротивъ малой Морской. Зячюю она тамъ и жила; но лѣтомъ слѣдовала на дворомъ, и постоянно имѣла помѣщеніе въ загородныхъ дворцахъ во время пребыванія въ нихъ императорской фамилиі.

У Анны Ив. было всего двѣ дочери: старшая Анастасія Ив. была за Тимерязевымъ, младшая — Прасковія Ив. за княземъ П. В. Лопухинымъ.

На той же страницѣ относительно Саблукова слѣдовало бы сказать, что онъ былъ отецъ Николая Александровича Саблукова, который оставилъ любознѣтныя воспоминанія объ имп. Павлѣ и который въ нихъ приводитъ на память именно этотъ указъ (см. „Русскій Архивъ“, 1869 г. столбецъ 1906).

Ал. Ал. Саблуковъ былъ сыномъ того Елисаветинскаго кофешенка, о которомъ упомянуто въ „Русской Старинѣ“ 1871, т. III, стр. 473.
Л.

VIII.

II. А. Обресковъ.

Въ Русской Старинѣ, изд. 1872 г. т. V, стр. 244, въ примѣчаніи г. Хмырова, нужно сдѣлать слѣдующія поправки и дополненія:

1. Петръ Алексѣевичъ Обресковъ, о которомъ сказано, что онъ умеръ до 1840 года, умеръ именно въ 1814 году.

2. Въ Москвѣ онъ былъ сенаторомъ и управляющимъ межевою канцеляріею. Женатъ былъ только одинъ разъ, на баронессѣ Остенъ, послѣ развода ея съ первымъ мужемъ; а на княжнѣ Шербаковой (родной сестрѣ Екатерины Александровны Свербеевой) женатъ былъ, гораздо послѣ, племянникъ его Петръ Александровичъ.

3. Въ указѣ, за подписью императора Павла, значится Обресковъ, въ примѣчаніи же сказано Обрѣзковъ. Кажется, первое правильнѣе. Можетъ быть въ старину предки и назывались Обрѣзковыми, но въ позднѣйшее время и Петръ Алексѣевичъ и другіе члены той же фамиліи всегда держались правописанія Обресковъ.

Сообщ. Е. С. Сербиновичъ.

IX.

Епископъ Амвросій.

Почетный лейбъ-хирургъ Д. К. Тарасовъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ объ одномъ чудакѣ пензенскомъ архіерей („Русск.

Стар.“ над. 1872 г. т. V. стр. 356). Этотъ чудакъ былъ, какъ сообщаютъ намъ А. И. В—тъ, не кто иной, какъ извѣстный ученій Амвросій Орнатскій, (род. 1778 г.) Амвросій оставилъ, какъ нѣкоторые думаютъ при содѣйствіи знаменитаго Евгенія Болховитнова, — „Исторію Россійской Іерархіи“. Этотъ обширный трудъ до сихъ поръ составляетъ необходимое подспорье во всѣхъ изысканіяхъ въ области исторіи русской церкви *). Въ 1820 годахъ, онъ былъ архіереємъ въ Пензѣ и здѣсь оставилъ по себѣ память многими странными выходками...

Вотъ одинъ изъ передаваемыхъ о немъ анекдотовъ. Предъ пріѣздомъ въ Пензу императора Александра Павловича въ 1824 году, губернаторъ Лубяновскій и корпусный командиръ Савенъ, прислали къ нему: первый—полиціймейстера, а второй—адъютанта съ просьбой, чтобы преосвященный приказалъ своимъ служкамъ очистить отъ грязи и сора обширную площадь, лежащую предъ архіерейскимъ домомъ.

— Вашъ генераль нѣмецъ, — сказалъ Амвросій адъютанту Савена, а потому и не знаетъ, что русскіе архіереи не занимаются чисткой улицъ и площадей; ихъ дѣло очищать души; если хочеть генераль, чтобы я его почистилъ, пусть пришлетъ свою душу.

— Но вѣдь его величество увидить безобразіе на площади, замѣтилъ полиціймейстеръ.

— Прежде чѣмъ увидить императоръ площадь, отвѣчалъ преосвященный, предстанете предъ нимъ вы и губернаторъ, а безобразіе васъ обижъ ничего нѣтъ въ Пензѣ...

Амвросій, пробывъ на пензенской кафедрѣ съ 9 ноября 1819 г. ровно шесть лѣтъ, зимою 1825 г. въ нагольномъ тулупѣ и шапкѣ съ ушами, съ небольшою связкою книгъ, отправился на безмолвіе въ Кирилло-Вѣлосерской монастырь, гдѣ и умеръ въ тѣсномъ, добровольномъ заключеніи. О кончинѣ его узнали только потому, что ежедневно подаваемая ему въ окно велліи просвира осталась не тронутаю.

Х.

Ө. В. Булгаринъ по поводу смерти Н. В. Гоголя.

Милостивый государь Петръ Васильевичъ! Благодарю васъ за память, но не могу догадаться, что заставило васъ въ двухъ письмахъ

*) Кстати замѣтимъ, что товарищ оберъ-прокурора св. синода Ю. В. Толстой, извѣстный нѣсколькими замѣчательными историческими монографіями, предпринялъ обширный трудъ дополненія и продолженія труда Амвросія, главнымъ образомъ—2-й книги 1-й части; но вѣрнѣе сказать, изслѣдованіе Ю. В. Толстаго явится вполне самобытнымъ трудомъ, который на долго останется основнымъ источникомъ всѣхъ трудовъ изъ исторіи Россійской іерархіи.

Ред.

извѣщать меня о подробностяхъ кончины и похоронъ Гоголя! Безъ сомнѣнія, занятые вашими хронологическими, археологическими изысканіями и юриспруденціей, вы никогда не читали ни благовоющихъ сказокъ Гоголя, которыя онъ самъ справедливо характеризовалъ въ своемъ сочиненіи Переписка съ друзьями, ни мнѣній о Гоголѣ „Сѣверной Пчелы“, которая, не зная о его смерти, еще 23 февраля повторила это мнѣніе, при представившемся къ тому случаѣ. Если Гоголь для васъ и для редактора московскихъ полицейскихъ вѣдомостей кажется знаменитымъ писателемъ, то онъ вовсе не такимъ кажется мнѣ и Н. И. Гречу. Сравнивать Гоголя съ Карамзинымъ—и грѣхъ и смѣхъ! Никто не нанесъ пагубнѣйшаго удара чистотѣ, правильности русскаго языка и изящному вкусу, какъ Гоголь. Партія натураальной школы возвеличила его, а почести, оказанныя ему въ Москвѣ, не дѣлаютъ чести ея литературному вкусу. Вѣдь въ Москвѣ и состарѣвшіеся Фанни Эльслеръ возили на себѣ, по дорогѣ устланной коврами! Москва любитъ благоволить кому попало! Узнавъ о смерти Гоголя—я перекрестился и сотворилъ молитву, какъ по каждомъ христіанинѣ. Лавровые листы, которые вы мнѣ прислали съ его гроба—не расцвѣтутъ въ потомствѣ, всегда справедливомъ. Отъ другаго и принялъ бы посылку этихъ лавровъ—за насмѣшку, но отъ васъ получилъ съ улыбкою, будучи увѣренъ что вы не читали вовѣки Гоголя и мнѣній „Пчелы“. Изъ вашихъ писемъ не сдѣлаю никакого употребленія и злоупотребленія, а за симъ честь имѣю быть съ истиннымъ уваженіемъ и преданностію вашимъ покорнымъ слугою

С.-Петербургъ, 28 февраля 1852 г.

Ө. Булгаринъ.

Примѣчаніе. Приведенное письмо писано Булгаринимъ къ извѣстному ученому Петру Васильевичу Хавскому, и служитъ довольно характеристическимъ выраженіемъ взглядовъ многочисленной въ свое время партіи противниковъ натураальной школы въ русской литературѣ. Ө. В. Булгаринъ былъ однимъ изъ вождей этой партіи. Подлинникъ письма принадлежитъ Павлу Васильевичу Щапову, который весьма обязательно и сообщилъ его «Русской Старинѣ».

Ред.

Поправка: Надпись на гробницѣ Гоголя: «горькимъ словомъ моимъ посмѣюсь» взята не у Еврема Сирина (см. «Русск. Стар.» изд. 1872 г. т. V, стр. 128), а у пророка Іереми, глав. 8, ст. 20.

